Руденкин Д.В.

**Как российская социально-гуманитарная наука изучает молодежные протесты:
основные направления анализа**

*Уральский федеральный университет
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-248

idsp: ljjournal-12-2020-248

Аннотация

Работа написана в теоретико-методологическом жанре. Автор обращается к анализу актуальных работ в области анализа молодежного протеста, которые были опубликованы в российской науке за последние несколько лет. Систематизируя и обобщая разрозненные работы по этой теме, автор выделяет основные векторы анализа молодежного протеста в российской науке и оценивает эвристические возможности и ограничения каждого из них.

Ключевые слова: молодежь, протест, протестный потенциал, протестные настроения, теоретико-методологический анализ

Abstract

The paper is prepared in the genre of theoretical and methodological analysis. The author turns to the analysis of topical scientific papers in the area of research of youth protest, which have been published in Russian in recent years. Systematizing and summarizing scattered papers in this thematic area, the author identifies the main vectors of analysis of youth protest in Russian science and assesses the heuristic possibilities and limitations of each of them.

Key words: youth, protest, protest potential, protest moods, theoretical and methodological analysis

Анализ протестного потенциала российской молодежи в настоящее время оказался одним из наиболее популярных и востребованных направлений российских ювенологических исследований. Даже довольно беглое изучение текущей научной литературы показывает, что в отечественной науке регулярно появляются работы, посвященные как динамике протестных настроений молодежи [13], так и закономерностям их развития [3]. Вместе с тем, хотя это направление исследований и стало в современной научной практике довольно популярным, его активное развитие началось в науке лишь относительно недавно. До недавнего времени в российской социологии преобладало отношение к молодежи как к относительно пассивной и не склонной к протестам социальной группе [14], которое начало пересматриваться лишь после протестных акций 2017-го г., привлечших примечательный интерес именно со стороны молодежи [10]. То есть, фактически тот всплеск интереса российской социологии к протестному потенциалу молодежи, который мы наблюдаем сейчас, стал относительно недавним явлением и пока длится лишь несколько лет.

Относительная новизна этой темы для научной практики препятствует выработке целостных аналитических традиций и подготовке четких аналитических моделей, способных объяснить базовую подоплеку и механизмы детерминации протестного потенциала российской молодежи. Противоречие между актуальностью темы и ее новизной приводит к тому, что она оказывается в фокусе внимания многочисленных ученых, каждый из которых смотрит на изучаемый вопрос сквозь призму собственной специализации и опыта. Поэтому исследовательские проекты в этой области многочисленны, но разрозненны и относительно редко подвергаются полноценному обобщению. Сложившаяся эклектичность научных исследований в этой области повышает риски получения упрощенных или искаженных выводов: велика

вероятность, что в фокусе внимания оказываются скорее отдельные нюансы проявления протестного потенциала молодежи, а не сущность и глубинная подоплека этого явления. Преодоление же этой эклектичности требует последовательной ревизии и обобщения тех направлений анализа молодежного протеста, которые наметились в российской науке сейчас. Выявление тех направлений, которые сложились в этой области сейчас, поможет как оценить основные текущие наработки, так и наметить перспективы их развития.

Цель данной работы заключается в проведении именно такой ревизии. Обращаясь к анализу актуальных исследовательских работ в области анализа молодежного протеста, мы намерены выделить ключевые направления в этой области и оценить их эвристические возможности и ограничения. В основе реализации этого исследовательского замысла лежит работа с актуальными научными работами, тематически раскрывающими тему молодежного протеста, которые были опубликованы в российских научных изданиях после 2017-го г. и индексируются в системе РИНЦ. Методологическую основу этой работы составляют классические для теоретико-методологического жанра статьи методы: анализ, обобщение, классификация, обобщение и систематизация. Обращение к анализу соответствующей литературы и опора на соответствующую методологию позволяют относительно достоверно реконструировать если не все векторы анализа протестного потенциала молодежи в современной российской науке, то, как минимум, наиболее примечательные и распространенные из этих векторов.

Проведенный нами анализ показывает, что в современной исследовательской практике наметились как минимум три наиболее распространенных и востребованных вектора анализа молодежного протеста. Все они сходятся в базовом представлении о том, что представляет из себя само явление молодежного протеста: в большинстве случаев под ним понимается склонность молодых людей к демонстрации своего неодобрения текущей политической системой в целом или отдельными процессами, которые в этой системе происходят [5]. Конечно, такое определение отражает довольно усредненный взгляд на изучаемое явление, и отдельные нюансы его интерпретации описываются по-разному. Тем не менее, такое обобщенное представление о сути молодежного протеста прослеживается в абсолютном большинстве работ и, вероятно, может рассматриваться как своего рода магистральная линия его интерпретации. Однако заметно и то, что, сходясь в общем представлении о сущности молодежного протеста, исследователи часто расходятся в своем подходе к анализу этого явления и стремятся к разным целям при его изучении. И каждое из сложившихся направлений анализа обладает как очевидными эвристическими возможностями, так и определенными концептуальными ограничениями.

Рассмотрим подробнее те векторы анализа молодежного протеста, которые проявились в российской научной литературе сейчас.

Первый вектор. Проведение оперативной диагностики протестных настроений и установок молодежи (в этом направлении выполнены работы таких авторов, как М.Б. Буланова и В.В. Костенко [5], И.Н. Гарькин [6], И.Н. Дементьева [7] и др.). Вероятно, этот вектор анализа можно считать наиболее распространенным и классическим направлением исследования молодежного протеста. Основной интерес в работах, тяготеющих к этому аналитическому вектору, направлен на диагностику общего протестного потенциала крупных молодежных сообществ и выявление доли молодых людей, склонных к участию в протестных акциях при тех или иных обстоятельствах. Чаще всего подобные работы опираются на данные массовых опросов и базируются на анализе ответов на стандартные вопросы: «Как Вы думаете, в ближайшее время в Вашем населенном пункте вероятны акции протеста?» и «Если такие акции случатся, лично Вы скорее примете или скорее не примете в них участие?» [9]. Очевидным достоинством работ, придерживающихся этого аналитического вектора, является

простота и ясность получаемого результата: в них точно и наглядно отражается доля молодых людей, недовольных положением дел в обществе, и дается однозначная оценка вероятности их участия в протестных акциях. Тем не менее, у этого аналитического вектора есть и ограничения: тяготеющие к нему работы позволяют давать лишь общую (а потому – поверхностную) характеристику протестных настроений молодежи и помогают оценить только долю недовольных молодых людей, но не объяснить саму природу их недовольства.

Второй вектор. Анализ факторов роста и обострения протестных настроений молодежи (к этому вектору тяготеют исследования Д.А. Аюшеевой [2], Е.Ю. Безруковой [4], Н.А. Самохвалова [11] и др.). Работы, придерживающиеся данного аналитического вектора, сосредоточены вокруг поиска вопросов о том, почему у определенных представителей молодежи формируется недовольство ситуацией в обществе и при каких обстоятельствах оно может конвертироваться в реальные бунтарские активности. Несомненная ценность подобных работ – в их принципиальном интересе именно к факторам формирования протестных настроений и установок молодежи: в фокусе внимания исследователей оказываются в первую очередь причины, провоцирующие рост недовольства молодых людей, а не только их уровень. С другой стороны, и у этого аналитического вектора есть определенные ограничения: фокусируя интерес на факторах формирования молодежного протеста, исследователи, работающие в русле этого направления, уделяют существенно меньшее внимание формам молодежного протеста и их особенностям. То есть, фактически, работы, выполненные в рамках данного вектора, помогают довольно точно разобраться в том, какие тренды формируют недовольство молодежи, но мало способствуют пониманию конкретных активностей, к которым приводит это недовольство.

Третий вектор. Анализ конкретных форм проявления молодежного протеста (этот ракурс представлен в трудах таких ученых, как Г.И. Авцинова и М.А. Бурда [1], Е.И. Ковтун [8], В.В. Титов [12] и др.). Фокус исследований, выполненных в русле этого вектора, тяготеет к выявлению и описанию основных форм, в которых проявляется молодежный протест в конкретных социальных обстоятельствах. Несомненная эвристическая ценность подобных работ заключается в том, что их содержание позволяет детально описать, какие формы может принимать молодежный протест и понять вероятные закономерности поведения молодых людей, недовольных ситуацией в обществе. Но и это направление анализа молодежного протеста обладает определенными ограничениями. В частности, его делает уязвимым сложная экстраполируемость получаемых результатов: поскольку работы этого аналитического вектора чаще всего строятся на анализе конкретных кейсов проявления молодежного протеста, остается не до конца понятно, насколько универсальными являются выявленные в ходе анализа закономерности. Проще говоря, работы, выполненные в соответствующей логике, помогают понять, как именно проявились протестные настроения молодежи в тех или иных конкретных обстоятельствах и почему, но оставляют за рамками внимания вопрос о том, какова вероятность того, что в будущем подобная ситуация может повториться.

Разумеется, мы не претендуем в своем исследовании на выработку некоего всеобъемлющего перечня аналитических направлений, который смог бы охватить абсолютно все проявившиеся ракурсы анализа этой темы, проявившиеся в научной литературе. Высокая динамика развития исследований в соответствующей области и многогранность ведущего научного поиска делают подобные притязания совершенно безосновательными: очевидно, что текущая практика исследований слишком разнообразна, чтобы жестко сводить ее только к трем основаниям. Тем не менее, наш анализ показывает, что перечисленные выше направления в настоящее время встречаются в научной литературе существенно чаще остальных и вместе составляют своего рода ядро исследований в соответствующей области. По сути, мы можем

сказать, что основными (хотя и не единственными) направлениями анализа молодежного протеста стали диагностика протестных настроений и установок молодежи; выявление факторов роста протестных настроений молодежи; описание конкретных форм проявления молодежного протеста.

Выявленная специфика этого аналитического ядра видится показательной и важной сразу по двум причинам.

Во-первых, видно, что ни одно из доминирующих направлений исследований молодежного протеста не является самодостаточным: каждое из них обладает как очевидными эвристическими возможностями, так и существенными ограничениями. Рассогласованное развитие дальнейших исследований в рамках каждого из этих направлений отдельно друг от друга существенно обедняет качество получаемых научных результатов: проясняются лишь отдельные детали, связанные с явлением молодежного протеста, но целостная сущность явления остается скорее за рамками внимания. Соответственно, нам представляется, что дальнейшее развитие исследований молодежного протеста явно нуждается в разработке комплексной аналитической методологии и проведении проектов, которые помогли бы объединить возможности каждого из сложившихся направлений.

Во-вторых, заметно определенное смещение аналитического фокуса. Во всех этих аналитических ракурсах преобладает интерес лишь к тем молодым людям, которые или уже склонны к протестной активности, или могут стать склонными к ней в будущем. В то же время, оценки и установки по поводу протестных акций, сложившиеся у более или менее массовой молодежной аудитории, оказываются в фокусе внимания исследователей реже и не отражены в наиболее распространенных аналитических направлениях. Частично соответствующая проблематика поднимается лишь в первом из выявленных направлений, но и в этом случае она рассматривается скорее поверхностно. Пренебрежение же этим аспектом темы видится ошибочным и недальновидным решением: фокусировка внимания только на молодых людях, уже склонных к протестным активностям, мешает понять и оценить перспективу роста числа таких молодых людей и усиления их активности.

Подведем итог работы. Исходный замысел нашего анализа был связан со стремлением выявить и описать основные векторы анализа молодежного протеста, которые наметились в российской социально-гуманитарной науке к настоящему времени. Проведенный нами анализ показал, что существует как минимум три таких вектора, которые выделяются в литературе ярче остальных: диагностика протестных настроений и установок молодежи, выявление факторов роста протестных настроений молодежи, а также описание конкретных форм проявления молодежного протеста. Анализ показал, что каждое из этих направлений имеет как явные аналитические возможности, так и существенные ограничения. Кроме того, было обнаружено, что основной фокус интереса каждого из них связан с изучением молодежи, уже склонной к протестным активностям или потенциально склонной к ним в будущем. Соответственно, проделанный анализ позволяет отметить перспективные точки роста исследований в этой области: создание комплексной аналитической методологии, обобщающей преимущества каждого из текущих направлений, и расширение исследований общих представлений о протестных акциях и их причинах, которое сложилось на уровне массовых молодежных сообществ.

Рискнем предположить, что в будущем исследования молодежного протеста в российской науке продвинулись по этим позициям и будут способствовать выработке более комплексных ответов и рекомендаций. Как уже отмечалось выше, активный анализ соответствующей проблематики начал вестись в отечественной традиции лишь относительно недавно, поэтому закономерно, что пока в исследовательской практике есть определенные недоработки. Мы убеждены, что по мере интенсификации исследований в соответствующей области эти недоработки будут постепенно

устраняться. И мы надеемся, что полученные в ходе нашей работы результаты внесут вклад в совершенствование исследований в данной области.

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код "soft power" как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

1. Авцинова Г.И., Бурда М.А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 649-655.
2. Аюшеева Д.А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 147-153.
3. Бареев М.Ю., Качурина И.О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3 (108). С. 572-587.
4. Безрукова Е.Ю. Молодежный протест: риски, перспективы, последствия // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 1. С. 94-103.
5. Буланова М.Б., Костенко В.В. Нет-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1 (15). С. 120-129.
6. Гарькин И.Н. Анализ протестного социально-политического потенциала молодежи (на примере Пензенской области) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). С. 22.
7. Дементьева И.Н. Факторы формирования протестного потенциала молодежи региона // Дети и молодежь - будущее России. материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 500-504.
8. Ковтун Е.И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 712-721.
9. Мтиулишвили П. И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6. С. 55-64.
10. Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150-169.
11. Самохвалов Н.А. 2018. Социальные и политические ориентиры российской молодежи. В кн: Политика развития, государство и мировой порядок, Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой. Москва, Изд-во "Аспект-Пресс": 479-480.
12. Титов В.В. Стратегии социального протеста молодежи в рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 3 (157). С. 139-158
13. Трынов Д. В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298-314.
14. Чув С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 54-60.

Сайганова Е.В.

Анализ эффективности молодежной политики на территории региона: проблемы и перспективы

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-249

idsp: lj-12-2020-249

Аннотация

В данной статье уделяется особое внимание актуальным проблемам молодежной политики на региональном уровне. Проведен анализ развития молодежной политики на основе законодательных актов.

Ключевые слова. Молодежь, молодежная политика, государственная молодежная политика, региональная молодежная политика, законы о молодежной политике.